

ТРЕТЬЯ ВОЛНА

Из книги: Jones, Ron. *Third Wave*. Из: Jones, Ron. *No Substitute for Madness. A Teacher, His Kids & The Lessons of Real Life*. Island Press, Covelo, California, 1977 (San Francisco, Calif.: Zephyros, 1977).

Примечание редактора. Часто замечают, что группа может стать чем-то большим, чем совокупность ее отдельных членов, и превратиться в организм, поведение которого в корне отличается от обычного индивидуального поведения этих членов. Это может произойти в результате установления новых норм (в сочетании с властью группы над ее членами, требующей от них конформизма), в результате диффузии ответственности или из-за ощущения потери индивидуальности у членов группы. "Третья волна" - это яркий рассказ о групповом движении, которое стало жить своей собственной жизнью, намного превзойдя ожидания своего создателя. Эксперимент, длившийся в течение недели и поставленный для того, чтобы учащиеся прочувствовали атмосферу нацистской Германии, чересчур быстро превратился в реальность, притягивавшую к себе почти всех, кто с ней соприкасался. Несмотря на то что Джонс не дал социально-психологического анализа, его статья иллюстрирует некоторые групповые процессы в действии и показывает, как они могут одновременно быть привлекательными и разрушительными.

Много лет я хранил странную тайну. Я хранил молчание вместе с двумя сотнями учеников. Вчера я случайно встретился с одним из них. За короткий миг я вспомнил все. Стив Кониглиоу был учеником класса, в котором я преподавал мировую историю. Мы столкнулись друг с другом совершенно случайно. Это был один из тех случаев, которые часто происходят с преподавателями, когда они меньше всего этого ожидают. Вы идете по улице, обедаете в полупустом ресторане или покупаете в магазине белье, и вдруг совершенно неожиданно появляется бывший ученик и здоровается с вами! В данном случае это был Стив, который бежал за мной по улице и кричал: "Мистер Джонс, мистер Джонс!" Смушаясь, мы обнялись.

Мне пришлось немного подумать, чтобы вспомнить его. Кто этот молодой человек, который меня обнимает? Он называет меня мистером Джонсом. Должно быть, бывший ученик. Как его фамилия?

За ту долю секунды, пока я лихорадочно копался в прошлом, Стив почувствовал мой вопрос и отступил на шаг. Потом он улыбнулся и медленно поднял руку, сложив ладонь лодочкой. Боже мой! Он участник *Третьей волны*. Это Стив, Стив Кониглиоу. Он сидел во втором ряду. Он был восприимчивым и способным учеником. Играл на гитаре и любил театр.

Мы просто стояли и улыбались друг другу, когда, сам того не сознавая, я поднял изогнутую руку. Салют был отдан. Два товарища встретились через много лет после войны. *Третья волна* была все еще жива.

"Мистер Джонс, вы помните *Третью волну*?" Конечно, я помню; это было одно из самых пугающих событий в моей преподавательской деятельности. Оно и было той тайной, которую я и двести учеников будем совместно хранить всю жизнь.

В течение следующих нескольких часов мы смеялись и разговаривали о *Третьей волне*. Потом пришло время прощаться. Такие случайные встречи с бывшими учениками производят странное впечатление. Ловишь несколько мгновений своей жизни, вновь переживаешь их, а потом говоришь "до свидания", не зная, когда вы встретитесь снова и встретитесь ли вообще. Вы, конечно, обещаете позвонить друг другу, но не позвоните. Стив будет продолжать расти и изменяться. Я навсегда остаюсь для него вехой на жизненном, пути, постоянно и незримо присутствующим воспоминанием. Я мистер Джонс. Стив оборачивается и спокойно салютует мне, изогнув поднятую руку в форме набегающей волны. Я отвечаю ему таким же жестом.

Третья волна. Что ж, наконец-то о ней можно рассказать. Я встретил ученика, и мы несколько часов говорили об этом кошмаре. Тайна в конце концов должна быть раскрыта. На это потребовалось три года. Я могу рассказать вам и всем остальным о *Третьей волне*. Сейчас это просто сон, воспоминание. Нет, это нечто, что мы старались забыть. Вот как это началось. По странному совпадению мне кажется, что *Третья волна* началась именно со Стива, то есть с вопроса, который он задал.

Мы изучали нацистскую Германию, и в середине лекции меня перебили вопросом. Как могли жители Германии утверждать, что они не знали о массовых расправах над евреями? Как могли горожане, железнодорожные проводники, учителя, врачи притворяться, что ничего не знают о концентрационных лагерях и истреблении людей? Как могли соседи или даже друзья еврея говорить, что их не было рядом, когда это происходило? Это был хороший вопрос. Я не знал на него ответа.

Поскольку до конца учебного года оставалось еще несколько месяцев, а я уже дошел до Второй мировой войны, я решил потратить неделю на исследование этого вопроса.

СИЛА В ДИСЦИПЛИНЕ

В понедельник на лекции по истории я познакомил своих старшеклассников с одной из характерных сторон жизни нацистской Германии - с дисциплиной. Я прочел лекцию о красоте дисциплины. О том, что чувствует спортсмен, который усердно и регулярно тренировался, что чтобы добиться успеха в каком-нибудь виде спорта. О том, как много работает балерина или художник, чтобы сделать совершенным каждое движение. О терпении ученого, увлеченного поиском научной идеи. Это и есть дисциплина - такая самотренировка, контроль над собой, сила воли, когда ценой преодоления реальных трудностей достигается улучшение умственных и физических возможностей, окончательная победа.

Чтобы испытать на себе силу дисциплины, я предложил - нет, я приказал классу поупражняться сидеть в другой позе. Я рассказал, как правильное положение тела при сидении помогает сосредоточиться укрепляет волю. На самом деле я своим приказом ввел обязательную садку в своем классе. Надо было поставить ноги так, чтобы обе ступни полностью касались пола, а руки заложить за спину, чтобы выпрямить позвоночник. "Ну вот, разве вам не легче дышится? Вы более собранны. Ведь так вам лучше?".

Мы снова и снова тренировались принимать это новое положение "смирно". Я ходил между рядами сидящих учеников, указывая на большие упущения и поправляя их. Правильная посадка стала самым важным аспектом обучения. Я распускал класс, позволяя ученикам кинуть свои места, а затем резко приказывал им принять положение "смирно". В тренировках на скорость класс научился из положения стоя усаживаться в положение "смирно" за пятнадцать секунд. В тренировках на концентрацию внимания я заставлял их сосредоточиться на том, чтобы ступни были параллельны друг другу и плотно прижаты к полу, лодыжки сомкнуты, колени согнуты под углом девяносто градусов, руки скрещены за спиной, позвоночник выпрямлен, подбородок опущен, голова наклонена вперед. Мы проводили тренировки на бесшумность, когда разговоры разрешались только для того, чтобы показать, что они отвлекают внимание. Несколько минут потренировавшись выполнять все более сложные задания, класс смог без единого звука зайти из коридора в аудиторию и занять свои места, приняв положение "смирно". Этот маневр занял пять секунд.

Казалось странным, что ученики так быстро привыкли к этому единообразному кодексу поведения. Мне стало интересно, насколько далеко я могу зайти, оказывая на них давление. Чем была эта демонстрация послушания - временной игрой, в которую все мы играли, или чем-то другим? Было ли стремление к дисциплине и единообразию естественной потребностью, общественным инстинктом, который мы прячем, когда ходим в рестораны и смотрим телевизор?

Я решил сыграть на терпимом отношении класса к строгой регламентации действий. За последние двадцать пять минут урока я ввел несколько новых правил. Когда прозвенит последний звонок, все ученики должны уже сидеть в аудитории в положении "смирно"; все ученики должны приносить карандаши и бумагу для конспектирования; задавая вопрос или отвечая, ученик должен стоять рядом со своей партой; любой вопрос или ответ должен начинаться со слов "мистер Джонс". Мы провели короткие сеансы "самоподготовки". Ученики, отвечавшие медленно и вяло, получали замечания и должны были обязательно повторять свой ответ заново до тех пор, пока он не превращался в образец точности и уважительного отношения. Четкость и живость ответа стали важнее его держания. Чтобы подчеркнуть это, я требовал ответов, состоявших из двух-трех слов. Ученики получали похвалу за старание, с которым они давали вопросы и отвечали. Я благодарил

их, если они говорили решительно и были внимательны. Вскоре все ученики начали буквально засыпать меня вопросами и ответами. Уровень активности класса резко изменился: раньше в обсуждении принимали участие в основном только несколько человек, а теперь - весь класс. Еще более странным казалось постепенное повышение качества ответов. Все стали слушать с пристальным вниманием. Начали выступать новые люди. Ответы становились более подробными по мере того, как ученики, обычно не решавшиеся говорить, находили поддержку своим усилиям.

Что касается моего участия в этих упражнениях, то у меня возникали сплошные вопросы. Почему я раньше не подумал о такой методике? Казалось, что ученики полностью сосредоточились на заданиях и точно излагали факты и понятия. Казалось даже, что они задают более интересные вопросы и относятся друг к другу с большим сочувствием. Как это могло произойти? Я ввел авторитарную обстановку обучения, и она оказалась очень плодотворной. Я начал размышлять уже не над тем, насколько далеко можно зайти с этим классом, а о том, насколько мне придется изменить свои основные представления о педагогике, поскольку я предпочитал свободную обстановку на уроке и максимальную самостоятельность в учебе. Неужели моей вере в идеи Карла Роджерса суждено увянуть и умереть? Куда ведет этот эксперимент?

СИЛА В ОБЩНОСТИ

Во вторник, на второй день эксперимента, я вошел в класс и обнаружил, что все молча сидят в положении "смирно". Некоторые из учеников чувствовали себя раскованно и улыбались теми улыбками, которые должны доставить удовольствие преподавателю. Но большинство учеников смотрели прямо перед собой с искренним сосредоточенным выражением, мышцы шеи напряжены, никаких признаков улыбок, мыслей и даже вопросов, каждый нерв натянут для важного дела. Чтобы разрядить напряжение, я подошел к доске и написал крупными буквами "СИЛА В ДИСЦИПЛИНЕ". Ниже я записал второй закон: "СИЛА В ОБЩНОСТИ".

В то время как класс сидел в строгом молчании, я начал лекцию, скорее даже проповедь о ценности общности. На этом этапе игры я обдумывал про себя, стоит ли прекратить эксперимент, или лучше его продолжить. Я не планировал такого напряженного внимания или послушания со стороны учеников. На самом деле я был удивлен, обнаружив, что идеи о дисциплине вообще удалось воплотить в жизнь. Размышляя о том, остановиться или продолжать эксперимент, я все говорил и говорил об общности. Я рассказывал истории из собственного опыта, которые произошли со мной, когда я занимался спортом, работал тренером и преподавал историю. Это было просто. Общность - это связь между людьми, которые вместе работают и борются. Это когда соседи помогают друг другу при постройке дома; когда человек чувствует, что он - не одиночка, а часть чего-то большего, например участник движения, член команды, борец за общее дело.

Отступать было уже поздно. Теперь я могу понять, почему астроном так упорно снова и снова смотрит в свой телескоп. Я все глубже и глубже погружался в исследование своих собственных представлений и мотивов, движущих групповыми и индивидуальными действиями. Надо было заметить и попытаться объяснить еще очень многое. Меня мучило множество вопросов. Почему ученики подчиняются власти, которую им навязываю? Почему они не удивляются или не сопротивляются этому "военному положению"? Когда и как все это кончится?

Закончив рассказ об общности, я снова сказал классу, что общность, как и дисциплину, можно понять, только испытав ее на практике. Чтобы дать ученикам возможность пережить чувство общности, я потребовал чтобы они хором повторяли вслух: "Сила в дисциплине, сила в общности". Сначала я заставлял двух учеников встать и произнести наш девиз, затем к ним присоединялись еще двое, и так до тех пор, пока весь класс не начал скандировать стоя. Это было интересно. Ученики начали поглядывать друг на друга и почувствовали силу, которую давала принадлежность к группе. Каждый ощущал свои способности, и все были равны между собой. Они делали общее дело. Мы работали над этим простым действием целый урок. Мы повторяли девиз раскатистым хором или произносили его то тише, то громче. Мы всегда говорили все вместе, при этом не забывая и о том, как надо правильно сидеть, стоять и говорить.

Я почувствовал, что я тоже стал участником этого эксперимента. Мне нравилось

единообразие действий учеников. Приятно было видеть, какое они получали удовлетворение и с каким увлечением хотели сделать еще больше. Мне становилось все труднее и труднее не поддаться общему порыву и не отождествляться с классом. Я не только руководил группой, но и подчинялся ее диктату.

В конце лекции, без всякого предварительного обдумывания, я создал приветствие. Оно было предназначено только для учеников этого класса. Чтобы отдать салют, надо было поднять изогнутую правую руку к правому плечу. Я назвал это салютом *Третьей волны*, потому что кисть руки напоминала гребень набегающей волны. Мысль о *Третьей волне* пришла мне в голову потому, что моряки считают, что волны приходят сериями по три волны, и последняя, третья волна - самая большая: Поскольку у нас появилось приветствие, я ввел правило, чтобы все ученики класса при встрече отдавали друг другу салют. Когда в конце урока прозвенел звонок, я попросил полной тишины. Под внимательными взглядами всех учеников я медленно поднял руку, согнул ее и отдал салют. Это был молчаливый знак признания. Их класс был чем-то особенным. Без моей команды весь класс отдал ответный салют.

В течение следующих нескольких дней ученики класса будут обмениваться этим приветствием. Идешь по коридору, и вдруг три ученика этого класса поворачиваются к тебе, и каждый быстро салютует. В библиотеке и в спортивном зале можно было видеть, как ученики приветствуют друг друга с помощью этого странного жеста рукой. В буфете обернешься, услышав грохот падающей посуды, - оказывается, это два ученика салютуют друг другу. Загадочное поведение тридцати человек, проделывавших вращательные движения руками, скоро привлекло повышенное внимание к классу и эксперименту по исследованию немецкого типа личности. Многие ученики из других классов спрашивали, нельзя ли им присоединиться.

СИЛА В ДЕЙСТВИИ

В среду я решил выдать членские билеты всем ученикам, которые хотели продолжать то, что я теперь называл экспериментом. Ни один человек не захотел покинуть аудиторию. В этот третий по счету день нашей деятельности в классе было сорок три человека. Тринадцать учеников ушли с других уроков, чтобы принять участие в эксперименте. При полном внимании класса я выдал каждому человеку членский лет. На трех билетах я поставил красные крестики и сообщил их получателям, что им дано специальное задание сообщать обо всех, кто не подчиняется правилам класса. Затем я перешел к лекции о значении действия. Я объяснил, что дисциплина и общность не имеют смысла, если нет действия. Я рассказал о том, как прекрасно, когда человек принимает на себя полную ответственность за свои действия; так глубоко верит в себя и своих единомышленников или родственников, что готов на все - лишь бы сохранить, защитить и продлить жизнь этих существ. Я подчеркнул, что старательный труд и преданность друг другу позволяют ускорить обучение и достичь больших успехов. Я напомнил ученикам как тяжело учиться в классах, где соперничество между учениками доставляет им огорчения и приводит к ухудшению результатов; рассказал о ситуациях, когда учеников противопоставляют друг другу во всем, от спортивных достижений до умения читать; об ощущении бездействия, когда человек никогда ни в чем не участвует, не ощущает поддержки сам и не оказывает ее другим.

В этот момент ученики стали без приглашения вставать и говорить слова, которые можно было расценить как выражения признательности. "Мистер Джонс, впервые я узнал столько нового". "Мистер Джонс, почему вы все время так не учите?" Я был потрясен! Да, я вбивал в их головы информацию в очень строго регламентированной обстановке, но меня поражало то, что они чувствовали себя вполне комфортно и находили это приемлемым. Обескураживало также и то, что сложные, требовавшие много времени письменные домашние работы о жизни нацистской Германии были выполнены и даже перевыполнены учениками. Академическая успеваемость значительно повышалась. Им удавалось научиться большему. И казалось, что они хотят еще большего. Я начинал думать, что они сделают все, что я только прикажу. Я решил выяснить этот вопрос.

Чтобы дать ученикам возможность непосредственно участвовать в действиях, я дал каждому из них особое задание. "Вы должны разработать проект знамени *Третьей волны*". "Вы отвечаете за

то, чтобы ни один ученик, который не является участником *Третьей волны*, не вошел в у комнату". "Я хочу, чтобы вы запомнили наизусть и завтра повторили вслух имена и адреса всех участников *Третьей волны*". "Перед вами ставится задача обучить нашей позе для сидения по крайней мере двадцать детей из ближайшей начальной школы и убедить их в том, что эта поза необходима для того, чтобы лучше учиться". "Вам надо прочитать эту брошюру и до конца урока успеть подробно рассказать ее содержание всему классу". "Я хочу, чтобы каждый из вас дал мне имя и адрес одного надежного друга, который, по вашему мнению, хотел бы присоединиться к *Третьей волне*..."

В завершение лекции, посвященной прямым действиям, я научил учеников простой процедуре приема новых членов. Она выглядела так: чтобы стать участником, нужно было получить рекомендацию от одного члена организации и членский билет от меня. Получив этот билет, новый член должен был продемонстрировать знание наших правил и поклясться подчиняться им. После этого моего объявления закипела лихорадочная деятельность.

В школе царил атмосфера оживленного любопытства, и высказывались различные догадки. Повар спросил меня, как должно выглядеть печенье *Третьей волны*. Я сказал, что, конечно, его надо посыпать шоколадной стружкой. Наш директор пришел на вечерний педагогический совет и отдал мне салют *Третьей волны*. Я ответил ему таким же салютом. Библиотекарь поблагодарила меня за огромное знамя с девизом об учебе, которое она повесила над входом в библиотеку. К концу дня в орден было принято более двухсот учеников. Я чувствовал себя очень одиноким и был несколько напуган.

Мой страх был в основном вызван широким распространением доноительства. Хотя формально я назначил только трех учеников сообщать о нарушениях правил поведения, ко мне явились примерно двадцать человек, чтобы сообщить о том, что Аллан не отдал салют, а Джорджина критически отзывалась о нашем эксперименте. Такой размах слежки означал, что половина класса теперь считала свои долгом наблюдать за своими товарищами и доносить на них. Из этой лавины доносов можно было понять, что зреет один настоящий заговор.

Три ученицы рассказали своим родителям все о нашей деятельности на уроках. Эти три юные женщины намного превосходили своим интеллектом остальных учеников класса. Они были подругами и держались всегда вместе. Они обладали спокойной уверенностью в себе, и им нравилось, когда обстановка в школе давала им возможность проявить свои академические и лидерские способности. Во время эксперимента мне было интересно, как они прореагируют на уравниловку и изменение обстановки в классе. Те награды, которые они привыкли завоевывать, в условиях эксперимента просто перестали существовать. Интеллектуальные навыки, необходимые, чтобы задавать вопросы и рассуждать, больше не существовали. В военизированной атмосфере класса эти ученицы казались озадаченными и печальными. Теперь, когда я оглядываюсь назад, они кажутся мне похожими на детей с так называемым отсутствием способностей к учебе. Они наблюдали за нашей деятельностью и участвовали в ней механически. В то время как другие безоглядно бросились вперед, они держались в стороне и приглядывались.

Рассказав своим родителям об эксперименте, они положили начало короткой цепи событий. Ко мне домой позвонил по телефону раввин одного из родителей. Он был вежлив и разговаривал покровительственным тоном. Я сказал ему, что мы просто изучаем немецкий тип личности. Он, казалось, был вполне удовлетворен и сказал, чтобы я не волновался, он поговорит с родителями и успокоит их. Завершая этот разговор, я представил себе, сколько раз на протяжении человеческой истории происходили подобные разговоры, в которых представители духовенства принимали и извиняли неприемлемые условия. Если бы только он пылал гневом или просто попытался исследовать ситуацию, то я мог бы указать ученикам на пример оправданного сопротивления. Но нет. Раввин стал частью эксперимента. Оставаясь в неведении о притеснениях, имевших место в эксперименте, он стал его соучастником и защитником.

К концу третьего дня я был в изнеможении. Я разрывался на части. Грань между ролевой игрой и управляемым поведением стала неразличимой. Многие ученики отнеслись к своему участию в *Третьей волне* с полной серьезностью. Они требовали от других учеников строгого соблюдения правил и запугивали тех, кто не принимал эксперимент всерьез. Другие просто с головой ушли в деятельность и сами назначали для себя роли. Особенно хорошо я помню Роберта. Роберт был очень крупным для своего возраста и обладал весьма слабыми академическими способностями. О, я знаю, что он больше других старался добиться успеха. Каждую неделю он

сдавал подробнейшие домашние задания, слово в слово списанные в библиотеке с рекомендованных мною книг. В школе много таких ребят, как Роберт, - они не блещут успехами и не доставляют неприятностей. Они не очень способные, не увлекаются спортом не стремятся привлечь к себе внимание. Они как бы невидимы, затерялись среди других. Я вообще познакомился с Робертом по чистой случайности - как-то на перемене я обнаружил его в своем классе, где он ел свой ленч. Он всегда ел ленч один.

Так вот, *Третья волна* дала Роберту возможность найти свое место в школе. Он наконец-то стал равным всем остальным. Он мог что-то делать, принимать участие, быть значимым. Вот что сделал Роберт. В среду вечером я обнаружил, что Роберт ходит за мной следом, и спросил его, что он такое делает. Он улыбнулся (до этого я, кажется, не видел, чтобы он улыбался) и заявил: "Мистер Джонс, я ваш телохранитель. Я боюсь, как бы с вами чего-нибудь не случилось. Можно я буду телохранителем, мистер Джонс, пожалуйста?". Я не смог устоять перед такими заверениями в преданности и его улыбкой. Так у меня появился телохранитель. Целыми днями он открывал и закрывал для меня двери. Он всегда шел справа от меня и только улыбался и салютовал другим ученикам класса. Он следовал за мной повсюду. В комнате для преподавателей (куда ученики не допускаются) он стоял молчаливым стражем, пока я быстро пил кофе. Когда учитель английского языка обратился к нему, сказав, что ученикам не полагается заходить в "учительскую", он только улыбнулся и сообщил преподавателю, что он не ученик, а телохранитель.

СИЛА В ГОРДОСТИ

В четверг я начал готовиться к завершению эксперимента. Я был измучен и встревожен. Многие ученики перешли разумные границы. *Третья волна* стала центром их существования. Я и сам был в неважной форме. Теперь я инстинктивно действовал как диктатор. О, я имел самые добрые намерения. И я каждый день доказывал себе, какую пользу приносит такой обучающий опыт. Но к четвертому дню эксперимента я перестал верить собственным аргументам. Чем больше времени я проводил, играя свою роль, тем меньше времени оставалось на то, чтобы помнить о разумных обоснованиях и цели этой игры. Я ловил себя на том, что вхожу в роль даже тогда, когда в этом нет необходимости. Я задавал себе вопрос, не происходит ли то же самое со многими другими людьми. Мы получаем или берем на себя предписанную нам роль, а потом перекраиваем свою жизнь так, чтобы она соответствовала образу. Через некоторое время люди согласны принимать нас только в этом образе. Поэтому мы вживаемся в него. С той ситуацией и ролью, которые создал я, беда была в том, что у меня не было времени подумать, к чему все это приведет. Вокруг меня бушевали события. Я беспокоился, что ученики совершат поступки, о которых потом будут сожалеть. Я тревожился и за себя.

Снова и снова я ставил перед собой вопрос: закрыть эксперимент или позволить ему идти своим ходом. Оба варианта были неосуществимы. Если я прекращу эксперимент, множество учеников останутся как бы в "подвешенном" состоянии. Перед лицом своих товарищей они продемонстрировали приверженность радикальным взглядам. Они раскрылись эмоционально и психологически. Если я вдруг резко верну их обычную учебную действительность, я до конца учебного года буду видеть перед собой в основном сконфуженные лица. Для Роберта и других подобных ему учеников будет слишком болезненно и унизительно, если им укажут на их место и скажут, что это была всего лишь игра. Они станут посмешищем для более способных учеников, которые участвовали в этой игре более осмотрительно и осторожно. Я не мог допустить, чтобы "Роберты" опять проиграли.

Другой вариант, состоявший в том, чтобы позволить эксперимент идти своим чередом, также исключался. События уже начали выходить из-под контроля. В среду вечером кто-то ворвался в наш класс и перевернул все вверх дном. Потом я узнал, что это был отец одного из учеников. Он был отставным полковником авиации и отбыл срок в немецком лагере для военнопленных. Услышав о нашей деятельности, он просто потерял над собой контроль. Поздно вечером он вломился в класс и устроил там погром. В то утро он ждал меня, прислонившись к двери аудитории. Он рассказал мне о своих друзьях, убитых в Германии. Он хватался за меня, чтобы удержаться на ногах, и весь дрожал. С трудом выговаривая слова, он умолял, чтобы я понял его

поступок и помог ему добраться до дома. Я позвонил его жене и с помощью соседа отвел его домой. Впоследствии мы несколько часов говорили с ним о его переживаниях и поступках, но с того момента в четверг утром я еще больше встревожился из-за того, что могло произойти в школе.

Я все больше беспокоился о том, как наша деятельность влияет на преподавателей и других учеников школы. *Третья волна* нарушала нормальный учебный процесс. Ученики пропускали уроки, чтобы участвовать в движении, и воспитатели начинали расспрашивать всех учеников класса. В школе стало действовать настоящее гестапо. Видя, что эксперимент со скоростью взрыва разрастается во всех направлениях, я решил попробовать применить старый баскетбольный прием. Когда играешь без всяких шансов на успех, то лучшее, что можно предпринять, - это попробовать сделать что-то неожиданное. Так я и сделал.

К четвергу численность класса возросла до восьмидесяти человек. Они поместились в аудитории только потому, что были обязаны соблюдать правило сидеть "смирно" и молча. Когда масса людей, до отказа заполнивших комнату, сидит, тихо наблюдая за происходящим и предвкушая будущие события, то возникает странное состояние спокойствия. Оно помогло мне хорошо обдумать свои слова. Я стал говорить о гордости. "Гордость - это нечто большее, чем знамена и салюты. Гордость - это то, чего у вас никто не может отнять. Быть гордым - значит знать, что ты лучший... Это чувство нельзя уничтожить..."

Я говорил все громче и громче, а потом вдруг резко понизил голос и раскрыл настоящую причину появления *Третьей волны*. Спокойным, размеренным тоном я объяснил, что стояло за *Третьей волной*. "*Третья волна* - это не просто эксперимент или практическое занятие. Ее значение гораздо больше. *Третья волна* - это общенациональная программа, цель которой - найти учеников, желающих бороться за политические изменения в нашей стране. Это правда. Все, что мы до сих пор делали, было подготовкой к настоящему делу. По всей стране преподаватели вроде меня набирают и тренируют молодежные отряды, которые с помощью дисциплины, общности, гордости и действий могли бы показать нации, что общество может стать лучше. Если мы сможем изменить порядки в этой школе, то мы сможем изменить порядки на фабриках, магазинах, в университетах и во всех других организациях. Вы - избранная группа молодых людей, которые помогут этому делу. Если вы выступите вперед и покажете, чему вы научились за последние четыре дня... мы сможем изменить судьбу нашего народа. Мы сможем дать ему новое чувство порядка, общности, гордости и готовности к действию, чувство новой цели. Все зависит от вас и вашего желания занять твердые позиции".

Чтобы доказать серьезность своих слов, я обратился к трем ученикам, которые, как мне было известно, сомневались в *Третьей волне*. Я потребовал, чтобы они вышли из комнаты. Я объяснил, почему я так поступил, и назначил четырех конвоиров, которые должны были отвести девушек в библиотеку и не пускать их в класс в пятницу. Затем я театральным тоном сообщил классу, что в пятницу в полдень состоится экстренный сбор. Это будет сбор только для участников *Третьей волны*.

Это была нелепая игра. Я все продолжал говорить, боясь, что если я остановлюсь, то кто-нибудь засмеется или задаст вопрос, и весь великий план рухнет. Я объяснил, что в пятницу в полдень кандидат на пост президента страны объявит о формировании молодежного движения *Третьей волны*. Одновременно с этим заявлением более тысячи молодежных групп из всех частей страны выступят с выражением поддержки этого движения. Я признался, что мои студенты были выбраны представителями своего региона. Я также спросил, смогут ли они хорошо выступить, потому что приглашены представители прессы. Никто не засмеялся. Не было даже намека на сопротивление. Совсем наоборот. В комнате нарастало лихорадочное возбуждение. "Мы можем это!" "Надо ли надевать белые рубашки?" "Можно привести с собой друзей?" "М-р Джон вы видели это объявление в журнале "Тайм"?"

Решающий довод появился совершенно случайно. Это была цветная реклама каких-то бесполезных товаров, занимавшая целую страницу в свежем номере "Тайм". Рекламодатель назвал свой товар "Третьей волной". Рекламное объявление, написанное большими красными, белым и синими буквами, гласило: "Идет Третья Волна". "Это что, часть кампании, м-р Джонс?" "Это что-то вроде шифровки?"

"Да. Теперь слушайте внимательно. Все назначено на завтра. Приходите в малую аудиторию

без десяти двенадцать. Садитесь на свои места. Будьте готовы продемонстрировать дисциплину, общность и гордость, которым вы научились. Никому об этом не говорите. Этот сбор только для участников движения".

СИЛА В ПОНИМАНИИ

В пятницу, в последний день эксперимента, я провел утро за подготовкой аудитории к сбору. В одиннадцать тридцать ученики начали подтягиваться к аудитории; сначала несколько человек разведали путь, а за ними появились остальные. Постепенно заполнялся ряд за рядом. В комнате царило напряженное молчание. Знамена *Третьей волны* нависали над сборищем, как тучи. Ровно в двенадцать часов я закрыл двери и выставил у каждой по часовому. Несколько моих друзей, изображавшие репортеров и фотографов, начали общаться с толпой, делая снимки и торопливо записывая что-то в блокноты. Была сделана групповая фотография. В аудиторию втиснулось более двухсот учеников. Не было ни одного свободного места. Казалось, что присутствуют ученики всех мастей. Здесь были спортсмены, популярные личности, лидеры, одиночки, группа ребят, которые всегда рано уходили из школы, байкеры, псевдохиппи, несколько представителей группировки дадаистов и некоторые ученики из компании, которая "тусовалась" в прачечной. Однако все собрание выглядело как единое целое, потому что они сидели абсолютно смирно. Все смотрели на экран телевизора, который я поставил в передней части аудитории. Никто не двигался. В комнате не было слышно ни звука. Было похоже, будто мы присутствуем при рождении чего-то. Напряженность ожидания достигла невероятной степени.

"Перед тем, как включить национальную пресс-конференцию, которая начнется через пять минут, я хочу продемонстрировать прессе, как мы подготовлены". С этими словами я отдал салют. В ответ сразу же автоматически взметнулось двести рук. Тогда я произнес девиз "Сила в дисциплине". Его повторил многоголосый хор. Мы произносили его снова и снова. С каждым разом отклик толпы становился все громче. Фотографы кружили по аудитории, снимая ритуал, но теперь на них никто не обращал внимания. Я снова подчеркнул важность происходящего события и еще раз попросил продемонстрировать преданность. Это был последний раз, когда я просил кого-либо декламировать. Стены помещения задрожали от оглушительных выкриков: "Сила в дисциплине".

Было пять минут первого. Я выключил свет и быстро подошел к телевизору. Казалось, что в комнате не хватает воздуха. Было тяжело дышать и еще тяжелее - говорить, как будто в момент кульминации кричащие души вытеснили из комнаты весь воздух. Я включил телевизор. В этот момент я стоял рядом с телевизором, прямо напротив людей, заполнявших помещение. Экран ожил, засветившись фосфорическим светом. Роберт стоял рядом со мной. Я шепнул ему, чтобы он внимательно наблюдал и был бдителен в ближайшие несколько минут. Единственным источником света в комнате был экран телевизора, и его отсветы играли на лицах людей. Все глаза были напряжены и все взгляды устремлены к экрану, но картинка на нем не менялась. В аудитории воцарилась мертвая тишина ожидания. Между людьми и телевизором происходила немая схватка. Победил телевизор. Белое свечение проверочной таблицы не превратилось в изображение политического кандидата. Телевизор просто продолжал пищать. Зрители все еще упорствовали. Должна же быть программа. Она должна начаться. Где же она? Казалось, что телевизор гипнотизирует аудиторию уже несколько часов, но было всего семь минут первого. Ничего. Пустой белый экран. Ничего не произойдет. Ожидание перешло в беспокойство, затем наступило разочарование. Кто-то встал и выкрикнул вопрос.

"Так что же, нет никакого вождя?" Все ошеломленно повернулись, сначала к потерявшему надежду ученику, а потом обратно к экрану. На всех лицах было выражение недоверия. В момент общего замешательства я медленно подошел к телевизору и выключил его. Я почувствовал, как воздух устремился обратно в комнату. В ней стояла прежняя тишина, но я впервые смог ощутить, что люди дышат. Ученики вынимали руки из-за своих спин. Я ожидал лавины вопросов, но царило напряженное молчание. Я начал говорить. Казалось, что каждое мое слово понимают и ловят на лету.

"Слушайте внимательно. Я должен сказать вам нечто важное. Сядьте. Нет никакого вождя!"

Не существует никакого общенационального молодежного движения под названием *Третья волна*. Вас использовали, вами манипулировали, вас подталкивали ваши собственные амбиции, и вы оказались в том положении, в каком находитесь сейчас. Вы ничем не лучше и не хуже немецких фашистов, которых мы изучали".

"Вы думали, что вы - избранные, что вы лучше тех, кого нет в этой комнате. Вы продали свою свободу за удобства, которые дают дисциплина и превосходство. Вы решили отказаться от своих собственных убеждений и принять волю группы и большую ложь. О, вы, конечно, думаете про себя, что вы просто хотели поразвлечься, что вы могли в любой момент выйти из игры. Но к чему вы шли? Как далеко вы могли бы зайти? Давайте я покажу вам ваше будущее".

С этими словами я включил кинопроектор. Белый квадрат экрана, висевшего за телевизором, внезапно засветился. По нему обратным счетом побежали черные цифры. Казалось, что в помещение ворвался рев собравшейся в Нюрнберге толпы, хотя фильм был немой. Мое сердце заколотилось. Перед нами был парад призраков из истории Третьего рейха: дисциплина; марш представителей высшей расы; большая ложь; высокомерие, насилие, ужас; людей заталкивают в фургоны; смрадный дым лагерей смерти; лица без глаз; судебные процессы; ссылки на неведение. "Я только делал свое дело, только и всего". Так же внезапно, как фильм начался, кадр замер и на экране застыла рамка с надписью: "Каждый должен принять на себя вину. Никто не может заявить, что он никак в этом не участвовал".

Фильм кончился, и последний кусок киноплёнки захлопал по проектору, но в комнате было по-прежнему темно. У меня сосало под ложечкой. В комнате пахло потом, как в раздевалке. Никто не пошевелился. Казалось, что каждому хочется проанализировать этот момент, разобраться в том, что случилось. Как будто пробуждаясь от глубокого сна со сновидениями, все люди, заполнявшие комнату, последний раз оглядывались назад, пытались понять свои сны. Я подождал несколько минут, чтобы все успели прийти в себя. Наконец стали появляться вопросы. Все они касались воображаемых ситуаций и были заданы, чтобы понять смысл случившегося.

Во все еще затемненной комнате я начал свои объяснения. Я признался, что испытываю боль и раскаяние. Я сказал собравшимся, что для полного объяснения потребуется довольно много времени. Но важно было начать. Я ощутил, что перестаю быть склонным к интроспекции участником событий и начинаю играть роль учителя. Быть учителем проще. Я начал описывать происшедшие события, стараясь быть объективным.

"На опыте прошедшей недели мы все попробовали, каково было жить и совершать поступки в нацистской Германии. Мы узнали, что значит создать дисциплинированную социальную среду, построить особое общество, поклясться в верности этому обществу, заменить разум правилами. Да, из нас всех получились бы хорошие немцы. Мы бы надели форму, отворачивались бы, когда наших друзей и соседей предавали анафеме, а потом преследовали, держали бы двери на запоре, работали бы на "оборонных" заводах, сжигали бы идеи. Да, мы узнали, хотя и не такой дорогой ценой, что значит найти героя, принимать поспешные решения, чувствовать себя всесильными хозяевами судьбы. Мы знаем, как страшно быть отвергнутым и как приятно делать что-нибудь правильно и получать за это награды, быть главным, быть правым. Мы видели и, наверное, почувствовали, к чему все это приведет, если дойти до крайности. Каждый из нас за последнюю неделю стал свидетелем некоторых событий. Мы видели, что фашизм - это не то, что делают какие-то другие люди. Нет, он здесь, в этой комнате, в наших собственных привычках и образе жизни. Стоит только чуть-чуть копнуть, и он появится на поверхности. Это что-то, сидящее внутри у каждого из нас. Мы носим его в себе, как заразную болезнь. Фашизм - это вера в то, что люди по своей природе порочны, и поэтому не могут вести себя хорошо по отношению друг к другу. Отсюда следует, что для сохранения социального порядка необходимы сильный вождь и дисциплина. Есть и еще одна вещь - самооправдание".

"Это последний урок, который нам надо усвоить. По-видимому, он имеет самое большое значение. Этот урок связан с вопросом, с которого началось наше рискованное исследование жизни нацистов. Вы помните этот вопрос? В нем выражалось недоумение по поводу того, как могло население Германии притворяться, что ничего не знает и не участвует в нацистском движении. Если память мне не изменяет, то вопрос звучал примерно так: "Как могли немецкие солдаты, учителя, железнодорожные кондукторы, медицинские сестры, налоговые инспекторы, средние граждане заявлять после краха Третьего рейха, что они ничего не знали о том, что

происходило? Как может народ быть частью какого-то процесса, а потом после смены власти притворяться, что никто ни в чём на самом деле не участвовал? Что заставляет людей вычеркивать из памяти собственную историю?" В течение следующих нескольких минут, а может быть и лет, у вас будет возможность ответить на этот вопрос".

"Если нам удалось полностью воспроизвести немецкий менталитет, то ни один из вас никогда не признается, что был на последнем сборе *Третьей волны*. Так же как немцам, вам будет трудно признаться самим себе, что вы зашли настолько далеко. Вы не допустите, чтобы ваши друзья и родители узнали, что вы хотели отказаться от личной свободы и воли ради диктата порядка и невидимых вождей. Вы не можете признать, что вами манипулировали, что вы следовали за кем-то, что вы приняли *Третью волну* как образ жизни. Вы не признаетесь, что участвовали в этом безумии. Вы будете хранить этот день и этот сбор в тайне. Это будет и моя тайна - наша общая с вами тайна".

Я взял фотоаппараты у трех фотографов и вытащил на свет целлулоидные рулоны, засвечивая пленку. Дело было кончено. Суд завершен. *Третья волна* перестала существовать.

Я оглянулся через плечо. Роберт плакал. Ученики медленно вставали со своих мест и молчаливой шеренгой тянулись к выходу, откуда в комнату проникал свет. Я подошел к Роберту и обнял его. Роберт всхлипывал, судорожно хватая ртом воздух. "Все кончилось". "Все в порядке". Утешая друг друга, мы стали помехой на пути потока уходящих учеников. В потоке образовался водоворот, потому что некоторые из них стали возвращаться, чтобы быстро обнять нас с Робертом. Другие открыто плакали, а потом смахивали слезы. Люди сбивались в тесный круг и обнимали друг друга, двигаясь к двери и миру, который лежал за ней.

В течение недели в середине учебного года мы жили общей жизнью. И как и было предсказано мною, у нас появилась глубокая общая тайна. В течение четырех лет я преподавал в средней школе Кабберли, и никто никогда не признался в том, что был на сборе *Третьей волны*. Да, мы разговаривали о *Третьей волне* и тщательно анализировали наши действия. Но только не сам сбор. Нет. Это было нечто, что мы все хотели забыть.